

В тот день, милый Мерлин, он просто дождался первого шанса, первой незанятой кабинки в туалете, и зашел туда, едва успев распахнуть мантию и вытащить член, за считанные секунды доведя себя до блаженного финала. Когда эякулят все же вылетел из его щели, Гарри был поражен его силой, не говоря уже о количестве.

От изнеможения и ликования, которые он испытывал, сидя в кабинке, не переставая восстанавливать силы, на его лице вспыхивали звезды.

До недавнего времени он не испытывал такой потребности в удовольствии и облегчении, несмотря на то что Сириус рассказывал о своих днях в Хогвартсе - из которых, к счастью, были исключены подвиги его собственного отца - на четвертом курсе.

Может быть, до сих пор у меня просто не было подходящего вдохновения, подумал Гарри, внутренне усмехаясь.

И уж точно Флер считалась божественным вдохновением для всего плотского.

Честно говоря, он не хотел этого, но всякий раз, когда он думал о ней в те дни перед Йольским балом, он думал только о том, как она будет выглядеть в обнаженном виде, будет ли на ее лице все та же улыбка, все то же легкое очарование, грация и красота. Как будут падать ее бело-золотые волосы, когда она будет свободна? Не упадут ли они так далеко, чтобы прикрыть ее грудь? Будут ли они щекотать его, когда он будет целовать ее живот и рот? Будет ли она произносить в его имени восхитительную букву "р", когда будет стонать?

Видения этого и многого другого ежедневно занимали его мысли, а нижние части тела возбуждались от одного только вида и мысли о ней. Мантии, которые носили ведьмы в Босбатоне, были совершенно не похожи на те, что носили ведьмы Хогвартса: вместо того чтобы скрывать, они обнимали изгибы, подчеркивали их, завораживали и притягивали, если смотреть на них под правильным углом. Французская чемпионка обладала более чем достаточной долей привлекательных атрибутов, даже когда была одета. Особенно когда она одета.

И вот, когда все это пронеслось у него в голове, Гарри Поттер вынужден был признаться себе, что он очень сильно влюблен во Флер Делакур.

Он не обманывал себя, думая о Флёр так же, как о Чо, - как о какой-то влюблённости, девушке своей мечты. Она и была девушкой его мечты, если не считать того, что сны, в которых она участвовала, никому нельзя было раскрывать - ни друзьям, ни Сириусу, ни, тем более, Флёр, которая предстала перед ним во множестве поз и ситуаций, которые так любил придумывать его юный ум.

Ему должно было казаться очень странным, что он чувствует себя рядом с ней комфортно, но он полагал, что то, что она так откровенно говорит почти обо всём, обычно разрушает барьер, который мог возникнуть между ними; так было с Роном и Гермионой, которых он на время отодвинул в сторону, делая вид, что готовится ко Второму заданию - о котором он ничего не знал, а это чёртово яйцо никак не переставало кричать - тогда как на самом деле он только готовил себя к балу.

Если не принимать во внимание вожделение Гарри к Флёр, он всё же извлёк уроки. Это заняло время и потребовало немалых усилий, но он выучил шаги, темп, движения, приемы, когда нужно напрячься, а когда расслабиться и так далее. Флер была хорошим учителем, и ему было к чему стремиться, в конце концов. Она с самого начала ввела систему поощрений.

"Танцуешь хорошо - получаешь поцелуй", - говорила Флер. "Танцуешь плохо - наши сеансы

удваиваются, и поцелуй не полагается".

Как оказалось, Гарри быстро и охотно учился.

Однако он не знал, как назвать их отношения. Они не были парнем и девушкой, это знал даже он, но кем именно они были? Когда они виделись или проходили мимо друг друга в коридорах и залах, где обитали другие, они оставались теми, кем были изначально - просто товарищами по борьбе, и не более.

Но когда они уединялись в этой маленькой удобной комнате с беспроводной связью и коллекцией музыки на выбор, они становились чем-то большим и чем-то меньшим, чем просто друзьями. Когда Флёр увлекалась, ей нравилось вести его в танце и притягивать к своему лону - Гарри старался получать от этого удовольствие, но сомневался, что проявлял хоть какую-то неохоту, - её пальцы гладили его лицо или волосы, она всегда настаивала на поддержании зрительного контакта, пока весь мир не исчезал из его головы.

А когда она его целовала? Пусть поцелуи были целомудренными, просто губы к губам, но ощущения от них были самые разные.

По всему телу пробежали мурашки, и это был один из тех редких случаев, когда он расслабился настолько, что смог прикоснуться к ней чуть более неуместно, чем обычно. Руки Гарри не слишком блуждали, лично ему просто нравилось класть их на то маленькое местечко над ее попкой и двигать ладонями по кругу. Один или два раза он даже взялся массировать её плечи, и Флёр с удовольствием благодарила его за эти маленькие акты доброты, вознаграждая его дальнейшей близостью.

"Репрессивные, вы, англичане, такие репрессивные", - беззлобно поддразнивала его Флер, когда однажды на уроке танцев вместо верхней мантии на ней оказалась белая рубашка без рукавов, сославшись на ту или иную причину; рубашка не оставляла желать лучшего, и, судя по ухмылкам, которые Флер бросала в его сторону, она прекрасно это знала. Он не знал, действительно ли французы так мало внимания уделяют приличиям наедине с собой, но, по правде говоря, ему было не до расспросов.

Поцелуи и дразнилки - это еще не все, что было между ними. Порой они часами говорили о самых разных вещах. Ему очень нравилось, что Флер никогда не давила на него, не просила подробно рассказывать истории, которые заканчивались неожиданно, когда он умолкал, переполненный эмоциями, которые, как ему казалось, он уже давно преодолел. Тем не менее он все чаще и чаще рассказывал ей о своей жизни, и она делала то же самое со своей. Флёр рассказывала о своих родителях, о карьере отца в Министерстве Франции, о стремлениях младшей сестры, о виноградниках матери, о Босбатоне... в общем, о чём угодно.

В общем, Гарри прекрасно проводил время.

Наступил день. Важный день. Судный день. Бросьте яблоко, и зависти будет много.

Оставалось только выйти из общей комнаты и спуститься в большой зал.

"Честно говоря, Гарри, тебе уже следовало бы пригласить кого-нибудь в качестве своей пары на бал, большинство девушек уже выбрали, с кем пойдут, и чем дольше ты ждешь, тем меньше у тебя шансов пойти с кем-то, кого ты сочтешь достаточно терпимым".

Упреки Гермионы по поводу пассивности Гарри в поисках пары на бал действовали ему на нервы. Это был далеко не первый раз, когда она говорила об этом, но после сегодняшнего дня он станет последним. И разве это не станет для нее сюрпризом. Ну, для нее и для всех остальных.

Впрочем, в ее словах была правда. Большинство уже разбилось на пары, и даже бывали случаи, когда отважный младшекурсник объединялся со старшекурсником, чтобы получить шанс увидеть Большой зал во всем его великолепии. Рону досталась довольно причудливая ведьма с Рейвенкло, которая оказалась подругой Джинни. Она не была красавицей, но в ней чувствовалась странная атмосфера, а также здоровое пренебрежение к непринужденным разговорам, о чем Гарри уже успел узнать, и по какой-то причине Рон действительно пригласил ее на бал.

Гермиона была очень недовольна этим, что неудивительно, хотя до Рона её саму приглашали неизвестные лица, и она согласилась. Но Рон, будучи Роном, не стал затыкать ей рот, и с тех пор она с ним не общалась.

Это означало, что Гарри стал получателем всего её недовольства, нежеланием выслушивать её разглагольствования о домовых эльфах, об обычном фанатизме чистокровных, о бале, о том, каким опасным было первое задание и какими опасными могут быть следующие, о том, что Рон был толстым и грубым без причины, что она действительно не видит смысла в ограничении тех, кто может пойти на бал, и так далее.

Лично Гарри мог бы обойтись без драмы по поводу бала, но тогда... Я бы не встретил Флер как следует, не так ли?

"Послушай, Гермиона, - сказал Гарри, как раз когда она собиралась начать очередную тираду, - как насчет того, чтобы я пошел и сделал это прямо сейчас?"

"Что сделать прямо сейчас?" - спросила Гермиона, совершенно не смущенная его вмешательством.

<http://erolate.com/book/4312/154733>